

И-256.с.

329621

ДЮРИК ИВНЕВ

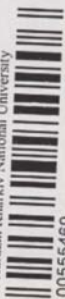
СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЗАРЯ ВОСТОКА"

2 p.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00555469

6

1/8(c1/2 .

PK-1

PC

И-256-с

РЮРИК ИВНЕВ

НЕ ПОДАЕТСЯ

С Т И Х И

ЦЕНТРАЛЬНА НАУЧ.-ОБ.
БИБЛИОТЕКА КДУ
Инв. № 329621

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1948 г.

Издательство „Заря Востока“
Тбилиси 1948

58.

I

НАШИ ГЕРОИЧЕСКИЕ ДНИ

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Нас согревает солнце золотое,
А ночью звезды яркие горят,
Но самое святое и родное
Для нас сверканье солнца Октября.

Мы будем вечно славить день рожденья
Зари октябрьской—светоча побед.
Народы мира смотрят с восхищеньем
На праздник наш, на дату „30 лет“.

Чего-чего мы только не видали,
Прошли живыми сквозь огонь и лед,
Каких препятствий только не встречали.
Но шли всегда с отвагою вперед.

И в годы самых страшных испытаний,
Когда над нами поднял меч тевтон,
Мы показали и на поле брани,
Что значит сила ленинских знамен.

Нас в бой повел непобедимый Сталин,
И в мирной жизни он страну ведет.
И потому октябрьские скрижали
Как честь отчизны бережет народ.

И вот теперь со сталинской волей
Мы дружно строим пятилетний план,
Чтобы еще светлее стала доля
Родной страны и дружеских нам стран.

Нас согревает солнце золотое,
А ночью звезды яркие горят,
Но самое святое и родное
Для нас сверканье солнца Октября.

ОТВЕТНЫЙ ТОСТ

Хочу воскликнуть голосом становий,
Ни чувств своих, ни мыслей не тая:
Не потому, что русский я по крови,
На тост Кремлевский отвечаю я.

Ведь были дни Мамаю, Бонапарта,
Отчаянных, ожесточенных сеч,
Ведь было все поставлено на карту:
Земля родная и родная речь.

Все движется. Проходит век за веком,
И мы уйдем, но вещиые слова,
Что сказаны великим человеком,
Останутся, как неба синева.

В годину исторических невзгод
Твой ясный ум, твое долготерпенье,
Характер стойкий, мой родной народ,
Не мог не вызвать чувства восхищенья.

Но, раз познавши мудрое ученье,
Народ не сможет никогда забыть,
Чей светлый ум, чья мысль, чье
вдохновенье.
Смогли его сберечь и сохранить.

И разве может русская равнина,
И разве может русская душа,
Хотя б на миг забыть полет орлиный
Того ума, кто в тяжкие годы
К победе вел нас волей исполина
Уверенно, спокойно, не спеша.
С ним вместе не страшна нам и стихия,
Как он — душой мы вечно молодые,
И в русской памяти всегда живые —
Суворов, Альпы, Чортов мост.
Народ, который и велик и прост,
Поднимет за спасителя России
Свой благодарный, свой ответный тост.

БЕЗВЕСТНОМУ ГЕРОЮ

Склонись, склонись мятежной головою,
Остановись—на берегу реки.
Здесь прах лежит безвестного героя,
Что пал в бою от вражеской руки.

Кругом поля и небо голубое,
Как музыка родная льется речь.
Узнает ли потомок место боя,
Следы былых ожесточенных сечь.

Но никого природа не обманет,
Забьется сердце, позабыв века,
И пред глазами светлый образ встанет,
Слезою затуманенный слегка.

На берегу, среди полей и в чаще,
Средь шума волн, и в песне, и в тиши,
Он вечно с нами, друг наш настоящий,
Свет наших дум и пламенной души.

РЯДОВОЙ

Он идет уверенно, спокойно
И не думает, что он—герой.
По фигуре—молодой и стройный,
А по званию—просто рядовой.

У победы есть свои приметы,
Кто не улыбается весне?
Как исчислить, и возможно ль это,
Сколько братьев спас он на войне?

Встречные его ласкают взором,
А деревья шелестом ветвей.
Как исчислить и каким прибором,
Сколько раз спасал он матерей?

Не вчера ли каркал черный ворон?
Не вчера ль был дом его сожжен?
Сколько раз освобождал сестер он
И с мужьями разлученных жен?

Мы прошли тяжелый путь страданья,
Прежде чем настало торжество,
Вся страна взволнованным дыханьем
Согревает молодость его.

Он идет уверенно, спокойно,
И не думает, что он—герой.
По фигуре—молодой и стройный,
А по званью—просто рядовой.

НАШ ФЛОТ

Изгнали мы тяжкое горе
Из нашей чудесной земли...
Широкое синее море
Ласкает волной корабли.

От севера до Балаклавы
В просторах морских мы сильны.
Сверкает бессмертная слава
Над флотом Советской страны.

Ни бурь не страшась, ни аварий,
Глядите с бортов кораблей—
Вас помнят снега Заполярья
И крымская зелень ветвей.

Умножил седой Севастополь
Героику доблестных лет
Во имя спасенья Европы
От порабощенья и бед.

И мы вспоминаем героев
Широких советских морей,
Что знамя несут боевое
Прославленных сталинских дней...

Изгнали мы тяжкое горе
Из нашей чудесной земли.
Широкое синее море
Ласкает волной корабли.

ДУШЕГУБКА

Я письмо получил от подруги,
Потерявшей родную сестру.
Лучше б медленно стынуть от вьюги,
Лучше б грызть в исступленьи кору.

Я смотрел на высокое небо,
Испещренное пулями звезд,
Призрак смерти,—смиренья не требуй—
Предо мною вставал во весь рост.

Я увидел сквозь мрак душегубки,
Словно сам задыхался я в ней,
Стан девичий, потертую шубку
И крутые изгибы бровей.

Но забыть это страшное горе,
Боль, которую нам принесли,
Не помогут ни небо, ни море,
Ни целительный запах земли.

Потому я так страстно ликую
Всей душою при встрече с бойцом.
Это он нашу землю родную
Защищал и душой, и свинцом.

Это он нас избавил от пыток
Палачей, зараженных чумой.
Как сибирского золота слиток,
Весть победы принес он домой.

Это он был по-сталински смелым,
Жгучей кровью он землю омыл.
Это он заслонял своим телом
Наш трудом вдохновляемый тыл.

Славься ж век своей силой священной,
Славься солнцем ликующих дней,
Славься правдой своей вдохновенной,
Славься светом великих идей.

ПЕСНЯ О ГЕРОЕ

(Бойцу-орденоносцу Георгию Сванидзе)

Сражался не раз он в жестоком бою
За честь и свободу отчизны,
На русских полях и в далеком краю
Бсец не щадил своей жизни.

Отвагу и знание выше всего
Мы ставим в военной науке.
Пожмите же левую руку его,
Мужскую широкую руку.

Смотрите, цветы на полях расцвели,
И не было будто невзгоды.

За честь и достоинство нашей земли
Сражался он долгие годы.

И вот наступило для нас торжество
Под гимна победного звуки.
Пожмите же левую руку его,
Горячую, смуглую руку.

Он выполнил воинский долг до конца.
Был ранен, не вышел из строя.
Забудет ли кто-нибудь подвиг бойца
И сердце его огневое.

Не все ли мы чувствуем до одного—
Гордиться им будут и внуки.
Пожмите же левую руку его,
Его уцелевшую руку.

СЫНУ ПАРТИЗАНА. ЗАМУЧЕННОГО ФАШИСТАМИ

(Даниилу Долинскому)

Заменю ли тебе я отца-партизана.
Нет, родного отца заменить не смогу,
Но любовью своей залечу твою рану,
Боль твою никогда не прошу я врагу.

Я сжимаю твою полудетскую руку.
В дни боев и она охраняла наш тыл.
Я приму на себя твою горькую муку,
Чтобы ты улыбнулся и горе забыл.

Но страна за тебя никогда не забудет
Ни сестер полоненных, ни гибель отца.

2. Р. Ивнев.

17

С материнской заботой всю жизнь она
будет
Охранять и лелеять героя бойца.

Заменю ли тебе я отца-партизана.
Нет, родного отца заменить не смогу.
Но любовью своей залечу твои раны,
Боль твою никогда не прощу я врагу.

ПИСЬМО СОЛДАТА

Здесь — орудийные раскаты,
Неистовствует пулемет,
И я почувствовал внезапно,
Как мне тебя недостает.

И, сляясь превозмочь пространство,
Я отдаю тебе, как дар,
Души солдатской постоянство
И сердца яростный пожар.

И мысль сознание осенила
В ночной тревожной тишине,
Что в тот же час с такой же силой
Ты вспомнишь обо мне.

ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“

„Во Владивостоке начаты работы по подъему легендарного фрегата „Паллада“, лежащего на дне Советской гавани“. (Из газет).

Не это ль новая награда
Для торжествующей страны,
Что легендарная „Паллада“
Увидит снова блеск волны
И встанет, точно для парада,
Из вековой глубины.

Никто не скажет сердцу: мимо
Пройди и прошлое забудь,
И снова адмирал Нахимов
Являет нам свой славный путь.

И мы как будто видим снова
Неувядаемый фрегат,
Каким он был для Гончарова
Почти сто лет тому назад.

И мысль, как чайка над водою,
Летит, волнением взметена:
Ведь вражий груз на дно морское
Не раз кидали мы сполна,
Зато все сердцу дорогое
Достанем и с морского дна.

ПЯТНАДЦАТЬ ГЕРОЕВ

Пройдя сквозь пламя испытанья,
Сквозь штормы ледяных морей,
И с честью выполнив заданье,
Они спешать под ликованье
На всенародное свиданье,
Завоевав себе название
Арктических богатырей.

Пятнадцать их—недавно пленных
Во льдах суровых и бесменных,
Теперь—у берегов священных
Великой родины своей.

Мы проникаем зорким взором
В океанийские просторы,

Мы видим снежные узоры
На изыскательских приборах
И каждый винтик корабля,
Сгиб поврежденного руля,
Что был у полюса во власти—
Теперь работают все части,
Дыша таким же ясным счастьем,
Как вся Советская земля.

Кто их бодрил своим участием,
Когда от бури гнулись снасти
И шла команда на аврал?
Чей голос в их ушах звучал,
Переноса в Кремлевский зал?
Их тот же гений вдохновлял,
Тот, кто в борьбе завоевал
Советскому народу счастье.

И там во льдах, в Гренландском море
Им грезились: и домик в Гори,
И башня древнего Кремля,
И тот, кто распахнул нам зори,
Чей светлый образ в каждом взоре,
И в каждом сердце, на просторе,
Где дышит море и земля,

* * *

Надо мною полыхает пламя,
А на Каспий снизошел Борей.
Я хочу дотронуться руками
До висящих в небе фонарей.

Я хочу бежать за колесницей
Золотых, неустомимых звезд.
Я хочу лесным цветам присниться,
К древним сказкам перекинуть мост,

Чтобы силу сказочных поверий
С силой наших дней переплести,
Чтобы жить, любить страну и верить,
И к вершинам солнечным идти.

II

Д Р У Ж Б А

ОТВЕТ ПОЭТУ ГЕОРГИЮ КУЧИШВИЛИ

Я, как и ты, люблю родной Тбилиси,
Его балконы, крыши и сады,
И головокружительные выси,
И шум Куры, и „Темные ряды“.

Я, как и ты, пленен его величьем
И новым блеском улиц и домов.
Мне кажется, что даже в пенье птичьим
Звучит о нем хвалебный гимн без слов.

Ты говоришь: „Страны любимой сердце,
Свинцовый дождь тебя не пепелит,

Под солнцем Грузии не раз пытались
греться
Враги твои, их прах теперь забыт.*

И многое во тьме веков исчезло,
Ушли и Тамерлан, и шах Аббас,
Кривым кинжалом грудь страны изрезав,
Враги убить не в силах были нас.

Тбилиси наш, как сон благоуханный,
Не раз сожженный,—зацветает вновь
Особенный, пленительный, желанный
И радостный, как первая любовь.

*) Из стихотворения Г. Кучишвили „Тбилиси“, в моем переводе.

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

Он стал велик не только в наши дни,
Пленительный поэт Бараташвили.
Но мы его величье оценили,
Когда зажглись октябрьские огни.

Он был велик и в те часы, когда,
Дышал в пыли судебных канцелярий
И равнодушие спутников, в угаре,
Томило душу больше, чем вражда.

Он был велик и в горькие часы,
Когда один бродил в Нахичевани,
Когда судьба бросала на весы
Его талант и боль его желаний.

Когда кругом не растворялась мгла,
Свет излучал салон Орбелиани,
Найти тогда покоя не могла
Его душа, и создал он „Мерани“.

Прошли года. Столетье пронеслось,
И мы его величье оценили,
И музыкой звучит нам: Николоз,
И музыкой звучит: Бараташвили.

ГАЛАКТИОНУ ТАБИДЗЕ

Ты не чернилами писал стихи, а кровью
О солнце пел и ненавидел тьму.
Служил стихом народу своему,
Всегда смотрел вперед. Вот почему
Увенчан ты и славой и любовью.

А Б Х А З И И

Пусть, что хотят, мне говорят другие,
Пусть скажут мне, что мой порыв —
пристрастен,
Скрыть не хочу: абхазцы дорогие,
Вы мне близки, взволнованные счастьем,

Не потому, что вы — в краю волшебном,
Где от магнолий веет ароматом,
Что дышите вы воздухом целебным,
Что любите вы зори и закаты.

Когда б вы жили даже в тундре
мрачной,
В сухих песках безжизненной пустыни,

Среди природы чахлой и невзрачной,
Я вас любил бы с той же самой силой.

Я в вас ценю и благородство чувства,
И мудрый ум, и ваш порыв сердечный,
И редкое, особое искусство
Встречать гостей с вниманьем
безупречным.

И ваши песни, полные отваги,
И ясный взор, ничем не омраченный.
Идем вперед мы под единым флагом
Народов, дружбой сталинской
сплоченных.

О С Е Т И И

О многом говорят мне горы
И реки горные поют.
Осетия! В твоих просторах
Не раз я находил приют.

Не раз под говор осетинский
Я голосу любви внимал,
И нарттов образ исполинский
Меня, как солнце, согревал.

И вот, в годину испытаний
В освободительной войне
Ваш нартский дух на поле брани
Взлетел к лазурной вышине.

Как бы испив живую воду
В стране, где каждый юн и храбр,
Вы показали всенародно,
Как надо биться за свободу,
Как надо биться за Октябрь.

Мы знаем: дружба дней суровых
Крепка, как дружба мирных дней.
Вы шли за Сталина родного,
За счастье родины своей.

О СЕТИНКЕ

Коверкая слова, чуть говоря по-русски,
Она поведала страдание свое,
А я смотрел на ситец скромной блузки
И на седые волосы ее.

И сын ее как будто встал из гроба,
От пуль немецких невредим.
Мне показалось, что стоим мы оба
У блиндажа, вдыхая едкий дым.

И сердце сжалось от чужого горя,
Как будто предо мной была родная
мать.

И боль души в ее печальном взоре
Души спокойной возмутила гладь.

И эту грусть, как высшую награду,
Как дар судьбы, несу в душе своей.
Не эта ль грусть рождала „Иллиаду“
И „Слово о полку“ в тиши ночей.

И эта грусть мне не дает покоя,
Как матери чужой, что встретил я в
глуши.

И эта грусть томительная стоит
Счастливого спокойствия души.

НА ЮБИЛЕЕ НИЗАМИ.

В моей стране—большой и славной
Шестнадцать равноправных стран.
Средь них цветет одна из равных,—
Азербайджан.

Азербайджан.

Мы спаяны с тобою кровью
Сынов, сложивших жизнь в бою,
Что шли за Сталина с любовью,
Что шли за Родину свою.

Собрались мы к тебе на праздник
Из братских и единых стран,
Хотя по языку и разных,
Азербайджан, Азербайджан.

Республик дружеских посланцы,
Мы славим, — наш порыв прими, —
Великого азербайджанца
Певца, поэта Низами

САМЕДУ ВУРГУНУ

Любовь и дружба хрупки, как стекло,
Но иногда они прочней металла.
С дней первых встреч не мало лет
прошло

И утекло воды не мало.

За песен звон и за любовь к стране,
За вечное стремление к свободе,
За силу духа в мире и войне
Певцом любимым ты прослыл в народе.

Но, вопреки, теченью вод и лет,
Я чувствую, мы снова молодые.
И ты все тот же огненный поэт,
Такой, каким явился мне впервые.

СТОЛИЦЕ АРМЕНИИ

Горячим солнцем залитая,
В оправе золотой листвы,
Трудолюбивая, простая,
Сестра моей родной Москвы.

Не раз твой хлеб войной был выжжен,
Гремели над тобой грома,
Но вот над пыльной глиной хижин
Взметнулись новые дома.

И там, где глушь была немая,
Под синим пологом небес.
Жемчужной пеною сверкая,
Шумит по новому Ергэс.

Не слышно больше горьких стонов
Братоубийственной резни,
Как физкультурники, колонной
Проходят трудовые дни.

И к удивленью Арарата,
Видавшего тебя иной,
Ты встала сильной и богатой
Над возрожденною страной.

ДАГЕСТАН

(Абдул-Вагабу Сулейманову)

Я видел много самых разных стран,
Пересекал моря и океаны,
Но нет отчизны более желанной,
Чем наш Союз—живой и многогранный.
Теперь я посетил и Дагестан.

Там тоже я нашел все, чем народ наш
дышит.

Любовь к свободе, долгу и труду,
Увидел то, что нас влечет все выше:
Народов путеводную звезду.

И понял я, что наш порыв единый—
Такая мощь, сильнее которой нет,
Что наш огонь растопит даже льдины,
Что наше солнце—ленинский завет.

„Я УЕЗЖАЮ В АШХАБАД“

Я слышу голос юный, звонкий,
И юноша чему-то рад.
Кому-то он кричит вдогонку:
„Я уезжаю в Ашхабад.

Я там учусь“. Ну, что ж, с успехом
Учись, мой незнакомый брат,
И пусть улыбками и смехом
Тебя встречает Ашхабад.

Ведь я тебя совсем не знаю.
Чего же я всем сердцем рад,
Как будто сам я уезжаю
За вечным счастьем в Ашхабад.

И понял я душой поэта,
Что мы живем в чудесный век.
Мне дорог был в минуту эту
Простой советский человек.

И необъятное объемля,
Как некий новый чародей,
Люблю я всю родную землю
И любящих ее людей.

И этой радостью большою
Лишь только наш народ богат.
И молодел я всей душою,
Не уезжая в Ашхабад.

Я слышу голос юный, звонкий,
И юноша чему-то рад.
Кому-то он кричит вдогонку:
„Я уезжаю в Ашхабад“.

III П Р И Р О Д А

Ж И З Н Ь

Жизнь прокатилась, как слеза
По розовеющим ланитам,
Жизнь прошумела, как гроза
Средь зеленеющих калиток.

Я помню теплые луга,
Огни мостов и семафоры,
И безграничные снега,
И безграничные просторы.

Я помню волн морских прибой,
И рук бесчисленных пожатья,
И воздух вечно голубой,
И матери любимой платье.

Я помню каждый день и час,
Пути мои и перепутья,
И нежный отсвет многих глаз,
Термометры с кипящей ртутью.

Полеты, ветер, тишину,
Улыбки, возмущенье, спазмы,
Любимой Родины весну
И победивший чувство разум.

Но та же пламенная кровь
Шумит в ушах, как радость жизни.
Тебе, тебе, моя любовь,
Моя великая отчизна.

* * *

Невероятного как будто нет на свете,
Но каждый день являет чудеса:
И пчел жужжанье, и приморский ветер,
И синие густые небеса,

И труд людей веселых и счастливых,
Каким он не был много лет назад,
И черные, как ночь полярья, сливы,
Как изумруд—зеленый виноград.

Цветущий чай, где были лишь болота,
Где был песок—высокие дома,
И о народе нежная забота,
И торжество величья и ума.

И в жизнь вошла волнующая сказка,
Как входит в гавань стройный пароход.
И как-то по особенному ласков
Над родиной любимой — небосвод.

Каждый носит в себе и спасенье и
 гибель,
Только знать бы, какие нажать
 рычажки,
Чтоб не биться, подобно трепещущей
 рыбе,
В заколдованном неводе горькой тоски.

Чтоб не жечь свое сердце напрасным
томленьем,
Чтоб в душе не растить ненасытное зло,
Чтоб не мучить напрасным себя
сожаленьем
И не звать с упоеньем того, что прошло.

Чтоб идти, не сбиваясь, по верной
дороге,
Чтоб отдать свои чувства и мысли
другим,
Чтоб чужая тоска и чужие тревоги
Стали собственным, кровным волненьем
твоим.

М О Р Е

Оно шумит совсем не как папало,
В нем все осмысленно, и все разумно в
нем.

Нет слов таких, чтобы оно не знало,
Нет чувств, чтобы оно не испытало,
Не передумало в тиши, на дне морском.

И в час ночной в нем каждый то
находит,
Что в самой глубине души его живет,
Все то, что у него в сознании бродит,
И то, чего ему не достает.

Вот потому оно душе созвучно
И до конца сливается с душой.
Вот потому оно поет так звучно
И так неощутимо неразлучно
И с радостью, и с горечью большой.

* * *

Ремни, канаты, легкий скрип весла.
На палубе—огни, а в небе—звезды
И чайки белоснежной два крыла,
Пропитанный соленой влагой воздух.

Не только это. Шторы на окне.
Обыкновенный, в даль бегущий поезд,—
Все это, все лежит в тебе, во мне.
О будущем своем не беспокоясь,

Оно не исчезает никогда,
И в наши дни с особенною силой
Заводы строит, движет поезда
Для родины, нам бесконечно милой.

И каждый радостный и светлый час,
И день труда для нашего народа,
Как воздух моря, укрепляет нас,
И нас пьянит, как солнце и свобода.

М А Т Ь

Приходит старость. С ней не так легко
Нам справиться, и мы уже не дети,
И наша юность где-то далеко,
Как будто даже на другой планете.

И кажутся каким-то дальним сном
Картинки из „Руслана и Людмилы“,
Деревья сада, двухэтажный дом
И женский образ—бесконечно милый.

Что может быть чудесней слова—мать.
О, сколько губ, трепещущих и нежных,
Не уставали матерям шептать
О самых первых чувствах белоснежных.

О, сколько слез горячих, как огонь,
Жгли щеки детские и днем и ночью.
Слез не собрать теперь в одну ладонь
И не увидеть никогда воочью.

Любимая, не уходи. Пстой.
Ты для меня всегда была святыней,
И на пути, завещанном тобой,
Как в раннем детстве, я стою поныне.

Вот почему я этот мир люблю
И никогда не огрубею сердцем.
Вот почему я подошел к Кремлю
В семнадцатом году с открытым сердцем,
Как подходил я к матери младенцем.

* * *

Твой юный лик задел больные струны
И потускневший образ оживил.
Мой милый друг. И я был тоже юным
И путь земной мне тоже ворожил.

Я пил из чаши жадными глотками
Напиток жизни, сочный и хмельной.
И жгло меня такое точно пламя,
Как полыхает ныне над тобой.

И, как к тебе, ко мне стремились души,
И вся природа улыбалась мне.
И даже звезды наклоняли уши
К моей неувядаемой весне.

Я с теми был, кто подняли восстанье
И взяли власть в семнадцатом году.
Не изменял ни разу им в сознаньи,
Шел юным с ними и теперь иду.

* * *

Пусть мне ответит кто-нибудь на свете,
Как ощутить чужую боль своей,
Как не бросать чужой беды на ветер
И глубже проникать в сердца людей.

В глухой тайге, в непроходимой чаще
Приникшему к деревьям головой
Дай свой ответ прямой и настоящий,
Единственно возможный и живой.

Так в юности взывал к кому-то страстно
И в зрелых годах мне пришел ответ,
Ответ прямой и с правдою согласный:
Зари октябрьской лучезарный свет.

НА ВЕРШИНЕ АЧИШХО

Когда, цепляясь за кусты и камни,
Взбирались мы гуськом на Ачишхо,
Я оглянулся и от страха замер:
Сорваться в пропасть было так легко.

Ползти вперед—невыносимо трудно,
Спускаться вниз—еще того трудней.
И воздух бирюзово-изумрудный
Мне показался грифеля черней.

И я подумал: так же в нашей жизни:
Оглянешься—и страх проникнет в грудь,
И стон глухой звучит как будто извне:
Как мог пройти я этот долгий путь!

О, как меня не задавили глыбы
Землетрясеньем разъяренных скал.
О, как меня не разорвали рыбы,
Когда я океан пересекал.

Какая охранительная сила
Кричала смерти: подожди, постой!
За что, за что судьба меня хранила,
А не давила каменной пятой.

За что, за что храним был ею свято,
Не шел ко дну и не сгорал в огне.
За что, за что я не висел распятым
И горький яд не растворял в вине.

Судьба меня хранила точно тую,
Затерянную средь лесной глуши, —
За боль мою воистину святую,
За веру в правду трепетной души.

ПАМЯТИ ДРУГА (А. П.)

Цветут магнолии и розы,
Но я не знаю, как мне быть.
О, если б только эти слезы
Тебя могли бы оживить.

С моими горькими слезами
Смешался б слез твоих ручей,
И засверкал бы перед нами
Свет звездный сочинских ночей.

Из наших слез обыкновенных,
Непримечательных на вид,
Забил бы вечный и нетленный
Источник дружбы и любви.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

НАШИ ГЕРОИЧЕСКИЕ ДНИ

Тридцать лет	3
Ответный тост	5
Безвестному герою	7
Рядовой	9
Наш флот	11
Душегубка	13
Песня о герое	15
Сыну партизана, замученного фашистами . . .	17
Письмо солдата	19
Фрегат „Паллада“	20
Пятнадцать героев	22
* * „Надо мною полыхает пламя“	24

II

ДРУЖБА

Ответ поэту Георгию Кучишвили	25
Николоз Бараташвили	27
Галактиону Табидзе	29
Абхазии	30
	63

Осетии	32
Осетинке	34
На юбилее Низами	36
Самеду Вургуну	38
Столице Армении	39
Дагестан	41
„Я уезжаю в Ашхабад“	43

III

П Р И Р О Д А

Жизнь	45
* * „Невероятного, как будто нет на свете“	47
* * „Каждый носит“	49
Море	51
* * „Ремни, канаты“	53
Мать	55
* * „Твой юный лик“	57
* * „Пусть мне ответит“	59
На вершине Ачишхо	60
Памяти друга. (А. П.)	62

Редактор *Бесо Менти*

Подписано к печати 25/XII 1948 г.

Объем книги 2 печ. л.

Заказ № 1503. Тираж 5000. УЭ17733.

Типографий «Заря Востока». Тбилиси, пр. Ру斯塔вели, 42

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ

№ 329621

